

Раздел IV

Религиозно-философские и исторические аспекты исследования творчества А.С. Пушкина

Г.Д. Чеснокова
Ставрополь

Ветхозаветные и коранические мотивы в творчестве А.С. Пушкина

Еще при жизни великого поэта Н.В. Гоголь сказал о нем: "Пушкин есть явление чрезвычайное и, может быть, единственное явление русского духа: это русский человек в его развитии, в каком он, может быть, явится через двести лет" (4, с. 55).

Двести лет, о которых говорил писатель, миновали. Каким предстает Пушкин как "единственное явление русского духа" накануне XXI века? Казалось бы, времени было достаточно, чтобы узнать о нем все. И тем не менее открываются, "являются" новые качества, характеристики, старательно обходимые прежде, но замеченные, названные некоторыми русскими мыслителями. Так, еще в 1880 году Ф.М. Достоевский отметил всемирность Пушкина: "К третьему периоду можно отнести тот разряд его произведений, в которых преимущественно засияли идеи всемирные, отразились поэтические образы других народов и воплотились их гении... Пушкин лишь один из всех мировых поэтов обладает свойством перевоплощаться вполне в чужую национальность" (5, с.149). Перевоплощение в "чужую национальность" для Пушкина было не только изображением чужой природы и обычаев, но и перевоплощением в "чужой дух", проникновением в чужую религию и в чужое миропонимание, как в свои национальные ипостаси. При всем при том Пушкин оставался русским, христианином. Известный русский религиозный, христианский философ конца XIX в. В.С. Соловьев, признанный в настоящее время основоположник учения о всеединстве и цельном знании, на рубеже веков писал, что религиозное сознание поэта окончательно сформировалось в его зрелые годы... "Сознание религиозное, которое с наступлением зрелого возраста пробудилось и выяснилось в нем. Прежнее его неверие было более легкомыслием, чем убеждением, и оно прошло вместе с другими легкомысленными увлечениями... В сознании своего гения и в христианской вере поэт имел двойную опору..." (18, с. 40).

Свидетель последних мгновений жизни А.С. Пушкина, его друг и учитель В. Жуковский пишет: "Что выражалось на его лице, я сказать словами не умею. Оно было для меня так ново и в то же время так знакомо. Это не было ни сон, ни покой, не было выражение ума... не было также и выражение поэтическое. Нет! Какая-то важная, удивительная мысль на нем разливалась, что-то похожее на видение, на какое-то полное, глубоко-удовлетворяющее знание" (18, с.48). В.С. Соловьев по-своему расширяет последнее знание поэта: "Окончательное торжество духа в нем и его примирение с Богом и с миром..." (18, с.49). "Пушкин умер в полном развитии своих сил и бесспорно унес с собой в гроб некоторую великую тайну. И вот мы теперь без него эту тайну разгадываем", — эта фраза Ф.М. Достоевского (5, с.151) как

нельзя кстати сегодня является ключом к разгадке тайны великого поэта: "В чем заключается его всемирность?" В том ли, что имя Пушкина знает весь мир, в том ли, что весь мир отражен в его стихотворениях и поэмах, или в том, что дух Пушкина явился средоточием мирового разума, мирового знания? Вновь обратимся к Ф.М. Достоевскому: "Нет ... не было поэта с такою всемирною отзывчивостью, как Пушкин, и не в одной только отзывчивости тут дело, а в изумляющей глубине ее, а в перевоплощении своего духа в дух чужих народов... он явление невиданное и неслыханное, а по-нашему, и пророческое, ибо... тут-то и выразилась наиболее его национальная русская сила, выразилась именно народность его поэзии... народность нашего будущего, таящегося уже в настоящем, и выразилась пророчески" (5, с.151).

Недаром самым программным произведением А.С. Пушкина считается стихотворение "Пророк" (1826 г.), явившееся поэту в один из переломных, отчаянных периодов его жизни, послужившее символом всего его последующего творчества. А ведь "Пророк" — это еще "не христианство, и пророк — еще не Христос". Так определяет место стихотворения в развитии пушкинского духа один из современных исследователей творчества поэта в аспекте христианской религии (11, с.10-25). Действительно, прямого христианства в "Пророке" нет. Стихотворение отражает ветхозаветный сюжет, связанный с историей пророка Исаяи, повторенный в мусульманском Коране и частично прослеживаемый в Новом завете. Единство многих сюжетов, мотивов, образов вообще характерно для трех мировых религий — иудаизма, христианства и мусульманства. Не случайно, что А.С. Пушкин, особенно в раннем периоде своего творчества, не делил религиозные идеи на христианские и ветхозаветные, увлекался одинаково и Библией, и Кораном.

Тема христианства в творчестве Пушкина стала разрабатываться учеными сравнительно недавно, если не учитывать высказывания В.С. Соловьева в конце XIX века о высшем добре и высшем разуме в судьбе Пушкина и христианских мотивах его творчества (18, с.53). В 90-е годы уходящего века ученые сделали попытку обобщения анализа связей поэта с христианством (11, с.10-25) и характеристики его религиозности (20, с.20). Библейскими обычно считают произведения "Тавриида", "Христос воскрес", "Десятая заповедь", "Свободы сеятель пустынный", "Певец Давид был ростом мал", "Вертоград моей сестры", "Мирская власть", "Пророк", "Отцы пустынные и жены непорочны" и др. Что касается "Певца Давида", "Пророка" и "Отцов пустынных", то их содержание явно навеяно Ветхим заветом; "Тавриида" же долгое время считали богохульным произведением, антихристианским и антицерковным.

По-видимому, её имел в виду В. Соловьев, говоря о легкомыслии поэта. Написанная в 1821 году молодым поэтом, поэма является пушкинской озорной интерпретацией ветхозаветного сюжета о еврейке Марии в период, предшествующий рождению Христа и, следовательно, не относящийся к христианству непосредственно. Сюжет и герои не чужды и мусульманской религии. Джабрил (варианты Джабраил, Джабрил) — наиболее приближенный к Богу ангел, главный посредник между Богом и пророками (Пушкин назвал его — “сводник”), а также святой дух, передававший откровения Мухаммеду. В Коране его имя часто стоит рядом с Марьям и Исой. Как отмечают исследователи, образ Джабраила (Гавриила) воспринят из иудейско-христианской традиции, основанной на взаимодействии иудаизма и раннего христианства (6, с.64). Легенда о чудесном зачатии и рождении Иисуса (Исы) является не только принадлежностью христианства. Иса и его мать Марьям (Мария) упоминаются в нескольких сурах Корана. “Коран знает об Исе значительно больше, чем о других пророках. Художественная форма рассказов о нем, диалоги Марьям и ангелов... свидетельствуют о широком бытовании в Аравии VII в. христианских легенд, связанных с различными христианскими средами... Корану известны некоторые апокрифические евангелия, например Евангелие детства; многие тексты свидетельствуют о явной симпатии к христианству в начальный период создания Корана ...” (6, с.102). История создания и распространения “Тавриилады” Пушкина описана в комментариях Д. Благого к собранию сочинений поэта (14, с.719-720). Ученый считает, что поэма написана в духе Вольтера и религиозных поэм Парни и что она вышучивает христианский догмат о непорочном зачатии. Скандальная история поэмы, отсутствие автографа произведения и неопределенность ее авторства не позволяли долгое время подробно анализировать поэму с позиций межкультурного синтеза. А между тем, заслуживает внимания тот факт, что образ Марьям (Марии) — это и “коранический образ матери Исы, дочери Имрана, еще в утробе матери посвященной богу...” (6, с.158) Не случайно молодой Пушкин, осваивая мировые религии, прежде всего обратился к Марии, наиболее древнему образу христианства, уходящему в глубину Ветхого завета, наиболее почитаемому в христианстве и весьма уважаемому в Коране.

Оставим христианские мотивы в творчестве Пушкина другим авторам и обратимся к истории изучения в литературоведении темы, связанной с влиянием восточного мировоззрения, в частности исламского, а точнее — аравийского, на молодого Пушкина. Эта тема стала разрабатываться еще в начале XX в., но и по сей день существует много нерешенных вопросов, касающихся взаимодействия русской культуры превои половины XIX в., представляемой А.С. Пушкиным, и культуры народов Востока, значительно повлиявшей не только на творчество великого русского поэта, но и на всю последующую русскую литературу и культуру.

Небезынтересно отметить, что первыми в России обратили серьезное внимание на коранические мотивы в творчестве Пушкина Ф.М. Достоевский и В.С. Соловьев. Об их оценке религиозности поэта и христианских мотивов его творчества мы уже упоминали ранее. Говоря о переложении А.С. Пушкиным древнего английского мистического сочинения, Достоевский пишет: “Вот рядом с этим религиозным мистицизмом религиозные же строки из Корана или “Подражания Корану”: разве тут не мусульманин, разве это не самый дух Корана и меч его, простодушная величавость веры и грозная кровавая сила её?” (15, с.150). Важными вехами в истории изучения темы

мусульманского Востока в творчестве Пушкина явились исследования В. Эбермана (1923 г.), К. Кашталевой (1930г.), Н. Свирина (1935 г.), Н. Фридман (1967г.), публиковавшиеся на страницах журналов “Восток”, “Знамя”, “Народы Азии и Африки”, в “Ученых записках МГУ”¹. В 60-е годы XX в. тема зарубежного Востока в творчестве Пушкина была продолжена Д.И. Белкиным (1965 г.), защитившим диссертацию “Концепция Востока в творчестве Пушкина” (1970 г.). В 80-90-е годы активизировался интерес ученых к крымской и кавказской тематике в творчестве Пушкина: работы Г.И. Кусова (1987 г.), новые публикации К.Г. Черного (1998 г.), подготовленные его дочерью и др. Особо следует отметить исследования сопоставительного характера: восточных мотивов Пушкина и Байрона (Ф. Зеленский), Пушкина и Гете (Л. Кассиль), Пушкина и персидских поэтов (А. Гафуров, Н. Лобикова)².

Самым крупным стихотворением Пушкина, отразившим серьезный творческий интерес поэта к содержанию священной книги мусульман, является цикл стихотворений “Подражания Корану”, на истории создания и изучения которого представляется целесообразным остановиться особо.

Традиции мусульманской теологии и атеистического мировоззрения советского периода долгое время не позволяли ученым вплотную заняться исследованием этого замечательного цикла произведений. Кроме работы К.С. Кашталевой 1930 года (7) и главы в книге Н. Лобиковой 1974 года (12), известны в этой связи некоторые разделы монографии Л.И. Климович “Книга о Коране, его происхождении и мифологии” (8), в которых, в частности, имеются сведения о переводах Корана, вдохновивших А.С. Пушкина на “Подражания”, а также упоминания о пушкинском цикле стихотворений в работах В.С. Соловьева (18).

Жанр “подражаний” свойствен раннему Пушкину, Пушкину — юноше, жадно впитывавшему в себя поэзию западных современников, малороссийские и крымские легенды, библейские сюжеты, осваивавшему стихотворные формы и художественные приемы поэтов-предшественников. Так возникли “Подражания малороссийскому” (1814 г.), “Погасло дневное светило”, “Подражание Байрону” (1820 г.), “Подражание древним” (1821 г.), “Подражание басне умеренного Иисуса Христа”, или “Свободы сеятель пустынный” (1823 г.), “Подражание Парни” (1824 г.), “О дева-роза, я в оковах”, или “Подражание турецкой песне” (1824 г.), “Подражания Андрею Шенью” (1824 г.), “Вертоград моей сестры”, или просто “Подражания” (1825 г.), “Подражания арабскому” (“Отрок милый, отрок нежный...”) (1835 г.), “Подражание итальянскому” (“Как с дерева сорвался предатель ученик”) (1835 г.) и др. По-видимому, молодой А.С. Пушкин имел все основания ставить в заголовки или подзаголовки названных сочинений слово “подражания”. Восточные мотивы увлекли Пушкина еще с 1813 года, когда им было написано стихотворение “К Наталье”. Как отмечают исследователи, Пушкин больше всего любил и знал мусульманский Восток, тогдашнюю Османскую империю, в которую входили и Малая Азия, и Египет, и Магриб, и часть Закавказья. Об этих странах, о народе, его нравах и обычаях, о религии ислама Пушкин узнавал, посещая литературное общество “Арзамас”, знакомясь с рукописями Азиатского музея в Санкт-Петербурге, основанного в 1818 г. известным ориенталистом Х. Френом, статьями и выступлениями известного в то время просветителя С.С. Уварова, читая восточные повести и драмы Вольтера, “Персидские письма” Монтескье, сказки “Тысячи и одной ночи” и пародии на них А. Гамильтона под названием “Волшеб-

ные сказки". Известны были будущему великому поэту трагедия Ломоносова "Тамира и Селим", сатирическая повесть И. Крылова "Каиб". Исследователям творчества А.С. Пушкина известно, что в период учебы в лицее Пушкин и его друзья увлекались чтением журнала "Вестник Европы", в котором регулярно публиковались путевые заметки, статьи, обзоры литературы и искусства, переводы восточной поэзии и прозы, выполненные в основном с французского, древнееврейского, персидского, арабского языков.

В то время известно было имя А.В. Болдырева, ученика знаменитого французского ориенталиста А.И. Сильвестра де Саси. Именно Болдыреву принадлежат первые в России переводы с арабского и персидского языков и издания первых сборников восточной поэзии в 1811 году (12, с.6-13). Одним из первых переводов был отрывок из легенды о Лайле и Маджнуне, а также его перевод из Библии "Отрывок из Иова, гл. VII" (1812 г.). В 1815 году "Вестник Европы" опубликовал "Могамедово путешествие на небо" А.В. Болдырева с комментариями ученого относительно личности пророка и Алкорана (Корана). В частности, Болдырев писал: "Могамед не описал нам своего путешествия на небо, но его последователи сохранили все подробности... его свидания с Богом. Сообщая некоторые из них читателям, чтобы они могли видеть игру фантазии восточных жителей и вместе могли судить, каким нелепостям верят последователи арабского пророка" (12, с.10). Ученые полагают, что последующее за этим описание деяний архангела Гавриила послужило, помимо Библии, основой для пушкинского стихотворения "Пророк"³. "Вестник Европы" публиковал также статьи о персидской литературе французского ориенталиста А. Журдена и переводы стихотворений Фирдоуси, Саади, Хафиза и других классиков персидской литературы. Сопоставление некоторых стихотворений Пушкина и восточных поэтов, проведенное востоковедами, приводит к выводу о влиянии языка, **стиля** и содержания поэм Востока на молодого Пушкина. В частности, любопытно сравнение "Памятника" поэта с "Завещанием" Саади (12, с.12). Под впечатлением переводов, по-видимому, написаны поздние стихи "Из Хафиза" (1829), "Соловей и роза" (1827), "Подражания арабскому" (1835) и др.

Поэтическим открытием для Пушкина была постановка в Петербурге в 1819 году "восточного" балета Ш. Дидло "Калиф Багдадский". Совершенно очевидно знакомство А.С. Пушкина с восточным "Кораном". Об исламе и шариате, о Коране молодой Пушкин слышал еще в лицее на лекциях по истории И.К. Кайданова. Поэт в одном из стихов признается, что читал Коран в "день гоненья" летом 1824 года, читал перевод его и в Михайловском, и по всей видимости, имел под рукой источник (Коран) и работал над ним так же, как над "Историей государства Российского". Пользовался поэт и предисловием к переводу Веревкина, и приложением к нему — статьей аббата Ладвоката "Житие Лжепророка Магомета вкратце".

По свидетельствам биографов поэта, Пушкин в год создания "Подражаний" был "до того увлечен гиперболической поэзией произведения, что почел за долг распространять в литературных кругах имя Магомета, как гениального художника, и К.Ф. Рылеев, умоляя Пушкина покинуть рабское служение Байрону, ... употребил в письме своем фразу "Хоть ради твоего любезного Магомета" (1, с.303-304).

По свидетельствам исследователей Корана, Пушкин "не поддался влиянию ни заголовка перевода с "аравского" А. Дю Риэ, ни статьи Ладвоката ... и заметил важнейшую особенность Корана как книги, где в подлиннике Алла везде говорит от своего имени, а о Магомете упоминается только во втором или третьем лице" (14, с.252).

Действительно, большая часть текста Корана — полемика в форме диалога между Аллахом, говорящим от первого или третьего лица либо через посредников (дух Джбрил), (но всегда устами Мухаммеда), и противниками Пророка или же обращение Аллаха с увещаниями и признаниями к последователям Мухаммеда" (6, с. 142).

Представляется целесообразным напомнить читателю главные идеи проповеди Мухаммеда, которые могли привлечь внимание немусульманской интеллигенции России. Прежде всего, это — необходимость обращения к единобожию, т.к. Аллах, по Корану, — первопричина жизни и творец всего мироздания. Многобожие осуждается, наказание за него — страдания в "земной" жизни и в жизни "будущей". Значительную часть содержания Корана составляют предупреждения о судном дне, или дне Религии, описание ада, рая, живописные рассказы о наказании народов, отвергнувших пророков, истории, восходящие к иудео-христианским апокрифам и аравийскому фольклору. Много сюжетов имеется в Коране, общих с Библией (Ветхий заветом). Есть в нем предания об Адаме, Нухе (Ное), Закарийе, Юсуфе (Иосифе), Сулеймане (Соломоне), Марьям (Марии); в Коране отражена борьба Мухаммеда с язычниками; полемика с иудаизмом и христианством, которые во времена Мухаммеда оставались в Аравии в сектантских формах и рассматривались как родственные исламу религии. Некоторые идеи восходили к зороастризму и манихейству.

В Коране представлены также складывавшиеся в Аравии понятия о сверхъестественном мире (ангелы, джинны, или гении, шайтаны, Иблис, Ифрит и др.) Значительную часть Корана составляют предписания, определяющие поведение и образ жизни мусульман, правила отправления культа, складывающиеся в процессе становления ислама как религии. Несколько слов необходимо сказать об истории самой книги ал-Кур'ан (Коран). При жизни пророка, как отмечают историки, основные положения Корана передавались по памяти. Записаны были лишь отдельные откровения. Согласно авторитетным источникам (6, с.141), первые систематические записи появились после смерти Мухаммеда в 632 году. Как и всегда при рождении письменного памятника, первоначальные редакции отличались друг от друга и по содержанию, и по форме. Ученые в настоящее время считают, что сводный текст Корана был составлен по приказу халифа Усмана в 651 году Зейдом ибн Сабитом и впоследствии этот список стал каноническим. В конце IX в. в текст Корана были введены диакритические знаки; в начале XX в. были канонизированы также орфография, структура текста и правила чтения, которые тщательно соблюдаются до сих пор. Всякое толкование, интерпретация священной книги запрещены ортодоксальным исламом. Тем не менее в обширном мусульманском мире существуют так называемые "тафсиры", или комментарии к тексту, которые первоначально существовали в устной форме, отдельные суры (главы) и аяты (строфы) комментировались имамом в мечети; су-

ществовали также странствующие проповедники, которые обогащали материал Корана иудео-христианскими сюжетами и мотивами (чудеса, пророки, древние народы). Возникали жизнеописания Мухаммеда и специальные сочинения, посвященные толкованию Корана. Некоторые авторы прибегали к аллегорическому толкованию, интерпретировали отдельные суры в пользу шиитов, меняя огласовки, ударения, переставляя слова в тексте. Этот процесс вызвал появление сторонников буквального понимания текста и сторонников "скрытого, тайного" смысла (ал-батин). Историк Ат-Табари (838-923), автор обширного комментария к Корану, с целью достижения компромисса между разными направлениями толкования разделил коранические тексты на три категории: 1) те, которые недоступны пониманию людей; их подлинный смысл известен только Аллаху; 2) те, смысл которых можно выяснить, опираясь на традиционные разъяснения, восходящие к Пророку; 3) те, сложности толкования которых являются лингвистическими и снимаются с помощью знаний филологов (б,с.233).

Историки и исследователи Корана отмечают ожесточенные споры ученых-мусульман относительно толкований и интерпретаций о "сотворенности" и "несотворенности" Корана, о суфийских интерпретациях отдельных его аятов. Особую роль играют исламисты, ратующие за возвращение исламу его первоначальной "чистоты", в частности освобождение его от иудео-христианских мотивов (сравним с современным движением в исламе ваххабизмом). Долгое время перевод Корана не допускался, комментарии на других языках были единственным источником сведений о Коране для неарабских народов. В XIX в. реформистская экзегетика получила наибольшее развитие, она отразила столкновение мусульманской ортодоксии с европейской философской и научной мыслью. С помощью толкований экзегеты пытались внести в мусульманскую среду современные научные представления, в то же время не допуская размывания коранических догм. Уже в XX в. можно найти образцы "исторического комментирования" текста Корана, включающего идеологическую полемику, описания строения клетки и солнечной системы и др.⁴

Трудно в настоящее время определить, какие направления в исламе отражал перевод Корана М.И. Веревкина, которым пользовался, судя по всему, А.С. Пушкин. Тем не менее попытаемся восстановить картину проникновения священной книги в Россию. Наши изыскания основываются на данных советских историков и востоковедов (Л.И. Климович, И.Ю. Крачковский, Г.В. Милославский, М.Б. Пиотровский, С.М. Прозоров и др.). К 1824 году, когда А.С. Пушкин писал свои "Подражания", в России не были известны ни переводы Николаева и Богуславского (1864-1901), ни знаменитые переводы Саблукова (1878-1907), ни подстрочные переводы И.Ю. Крачковского (1963-1990), ни тем более комментированные поэтические переводы Пороховой (1995). Известно, что среди мусульман России "ходили" казанские тексты на арабском языке, переписанные в 1787-1798 годах. В Европе интеллигенции были доступны латинский перевод Корана 1698 года, французский перевод А. Дю Рие, послуживший основой для русского перевода Веревкина, и английской текст Сэла, с которого в 1792 году россиянином Колмыковым при использовании латинского текста был составлен ва-

риант по-русски. Известен также перевод Посникова 1716 года и, наконец, М.И. Веревкина (1790г.) О том, что А.С. Пушкин был знаком именно с переводом М.И. Веревкина, говорят и И.Ю. Крачковский, и Л.И. Климович, и Н.М. Лобикова. Мало того, переводом Веревкина, по-видимому, пользовался и М.Ю. Лермонтов в 1829 году, работая над "Демоном". Полное название перевода М.И. Веревкина воспроизведено Б.В. Томашевским (19, с.35). В начале 60-х годов Б. Томашевский считал, что значение "Подражаний Корану" еще не определено, и необходим подробный анализ (19, с.20).

Исследователи творчества А.С. Пушкина на протяжении 100 лет пытались выяснить, что же привлекло Пушкина к Корану. Одни считали, что Пушкин имел целью поэтическую интерпретацию (К. Кашталева), другие видели в "Подражаниях" стремление поэта изобразить восточную культуру и нравы (В.И. Филоненко, Г.А. Гуковский), третьи полагали, что поэт выражал собственные религиозные чувства (П.В. Анненков, Н.И. Черняев), черты своей индивидуальности (Н.В. Фридман), свой идеал творчества (Б.В. Томашевский). И.С. Брагинский видел в "Подражаниях" философско-поэтический смысл, идею о "пророческой миссии поэта, образ возрождения новой жизни через смерть, мотивы... борьбы с малодушными, обличения изменников идеалу" (3, с.124).

Ниже попытаемся дать собственную интерпретацию некоторых стихотворений цикла, сформировавшуюся благодаря сравнению "Подражаний" с имеющимися в нашем распоряжении текстами Корана (9,10,15) и Библии (2), а также благодаря лингвистическим приемам анализа пушкинского текста.

В нашу задачу не входил подробный текстологический анализ "Подражаний". Мы имели целью рассмотреть "Подражания", как самостоятельное лирическое произведение А.С. Пушкина, многие строки которого до сих пор можно толковать по-разному, разделив их точно так же, как в свое время экзегеты Корана разделили его текст на "явные" и "скрытые" части, подлежащие толкованию, не подлежащие толкованию и толкуемые с помощью филологического знания (6). Последнее обстоятельство привлекает нас более всего, ибо дает возможность интерпретировать текст, как он является нашему сознанию, представляется филологу-читателю почти через два столетия после его создания, конечно же, с учетом изученности творчества поэта, оценок его исследователями и при непосредственном обращении к кораническим текстам двух наиболее авторитетных научных изданий Корана. Помимо этого, целесообразно в некоторых случаях обращаться к Библии (Ветхому и Новому завету), так как совершенно естественно, что мотивы мусульманства в самом Коране, а тем более в сознании А.С. Пушкина могли переплестись с иудео-христианскими мотивами.

В "Подражаниях" выделяются 9 самостоятельных стихотворений. Они отличаются содержанием, внешней организацией стиха и так же, как суры (главы) Корана, не связаны логически друг с другом. Известно, что в Коране суры организованы по принципу величины текста, разрознены по содержанию и выхватывают отдельные эпизоды жизни Мухаммеда и события тогдашней Аравии. Пушкин попытался несколько упорядочить строй своего произведения, форму которого можно представить следующим образом:

Таблица 1

№ стихотворения	количество строф	количество строк в строфе	всего строк	стихотворный размер	рифма
I	4	4	16	четырёхстоп. ямб	перекрестная
II	2	10	20	— // — с пиррихиями	комбинации рифм
III	7	4	28	— // —	перекрестная
IV	1	14	14	— // —	комбинации рифм
V	4	4	16	— // —	перекрестная
VI	5	4	20	— // —	кольцевая
VII	1	12	12	двухстоп. амфибрахий	нет
VIII	2	6	12	шестистоп. ямб	сочетание рифм
IX	6	6	36	четырёхстоп. ямб	последовательная, парная

Разнообразие ритмического рисунка стихотворений цикла соответствует разнообразию поэтической формы сур Корана, написанных в разное время, разными авторами, в том числе и самим Мухаммедом. Всего в Коране 114 сур величиной от 3 до 286 аятов (стихов). Нельзя исключить субъективный фактор избрания Пушкиным разных объемов, размеров и ритмических рисунков: молодой поэт оттачивал мастерство стихотворца. Нам представляется уместным выделить в первом стихотворении строфу из четырех строк с анафорой "Клянусь", поскольку она вводит мотив клятвы во весь цикл, начиная его.

Мотив клятвы наблюдается и в Коране. Строки с заклинаниями рассыпаны в маленьких по объему сурах 81,85,86,89,90,91,92,95,100 и 103 и др. Исследователи отмечают, что пушкинской клятве соответствует 89 сура Корана (12, с.83). Действительно, 89 сура и в переводе И.Ю. Крачковского, и в тексте Г. Саблукова содержит понятие чета и нечета ("Клянусь четом и нечетом" — И. Крачковский; "Клянусь четой и единицей" — Г. Саблуков, ва-ш-шаф' и ва-л-ватри — 9,II, с.1142). Там же находим строки об утренней заре ("Клянусь зарею" — Крачковский, "Клянусь утренней зарею" — Саблуков, ва-л-фаджри). Что касается клятвы "мечом и правой битвой", а также "вечернею молитвой", то текст Корана не содержит понятия такой клятвы, мало того, во времена создания Корана ритуал вечерней молитвы еще не был введен в культ ислама, каноническая молитва ас-салат (намаз) была сведена воедино и закреплена письменно лишь в конце VIII в. (6, с.204). Примечательно, что в Коране мотив клятвы прослеживается в самых ранних из 114 сур, в которых, на наш взгляд, еще значительно влияние язычества: Аллах клянется силами и явлениями природы (планетами, кометами, ночью, утром, зарею, небом, звездами, землей, солнцем и его сиянием, луной, вечерним или предвечерним временем). В суре 95 очевидна перекичка мусульманства с иудаизмом (клятва смоковницей, маслинным деревом, горой Синаем и безопасным городом (Мединой?). Любопытно, что наш тезис о языческом происхождении клятв Корана подтверждается свидетельством, зафиксированным учеными об использовании 92 суры Корана, в которой Аллах устами Мухаммеда клянется "Тайною создания двух полов" (Порохова В.), или тем, "Кто создал мужчину и женщину" (И. Крачковский, Г. Саблуков), в практике магических действий и талисманов, что не поощряемой исламом (6, с.214). М.Ю. Лермонтов, использовавший как и Пуш-

кин, мотив клятвы в своем "Демоне", среди прочих (христианских и поэтических) атрибутов клятвы употребляет понятие "полночной звезды", "луча заката и востока", "неба и ада", "земной святыни".

С эволюцией исламских догматов меняется представление о клятве: современный мусульманин клянется очень редко и то только самим Аллахом (валла), считая остальные святыни неправомочными для клятвы. В христианстве находим некоторые интересные моменты, связанные с мотивом клятвы: "А я говорю вам: не клянись вовсе: ни небом, потому что оно Престол Божий, ни землею, потому что она подножие ног Его, ни Иерусалимом, потому что он город великого Царя, ни головой твоею не клянись, потому что не можешь ни одного волоса сделать белым или черным. Но да будет слово Ваше: "да, да", "нет, нет", а что сверх этого то от лукавого" (13, От Матф. гл. 5, ст. 34-37). В "Откровении святого Иоанна Богослова" (гл.10., ст.5,6) Ангел "поднял руку свою к небу и клялся Живущим во веки веков, который сотворил небо и все, что на нем..."

Псалом 131 Псалтири содержит слова: "Вспомни, Господи, Давида и все сокрушение его: как он клялся Господу, давал обет Сильному Иакова..." (13). Сопоставляя мотивы клятвы Корана, Библии и Псалтири, приходим к выводу о синкретичности раннего мусульманства, отраженной в сурах 81-103, замеченной А.С. Пушкиным и развитой им далее на основе культурологического опыта XIX века:

Клянусь четой и нечетой, — соответствует Корану;
Клянусь мечом и правой битвой — введено Пушкиным;
Клянусь утренней звездой — соответствует Корану;
Клянусь вечернею молитвой — введено Пушкиным.

Поэт, выбрав именно эти слова для клятвы, вместе с тем указывает в примечаниях к "Подражаниям": "В других местах Корана Алла клянется копытами кобылиц, плодами смоковницы, свободою Мекки, добродетелью и пороком, ангелами и человеком и пр. Станный сей риторический оборот встречается в Коране поминутно" (14, с.224).

Мы бы не стали говорить, что указанный "риторический оборот" столь уж характерен для Корана. Примечание Пушкина свидетельствует о том, что М.И. Веревкин или его французские предшественники, по-видимому, не совсем точно разобрались в тексте оригинала. Это явление можно отнести к "тайности, скрытости" текста, которую многие толковали по-разному, и возможности интерпретации открыты. Сравним переводы разных авторов (сура 100):

Таблица 2

И. Крачковский (подстрочник)	Г. Саблуков (перевод)	В. Порохова («перевод смыслов»)	А.С. Пушкин (в примечаниях)
мчащимися, задыхаясь, выбивающими искры, нападающими на заре	быстробегущими, с пыханьем выбивающими искры, пускающимися в набег с утра	В знак скакунов, что мчатся и, от бега задыхаясь, бьют искрами из-под копыт И атакуют на заре	копытами кобылиц
Этим городом безопасным	Сим безопасным городом	И этим городом, что (так великолепно) безопасен	свободою Мекки
Смоковницей	Смоковницей	Смоковницей (горы Иерусалимской)	Плодами смоковницы

Как видим, ни Мекка, ни Иерусалим в Коране не названы. Тем не менее переводчики и интерпретаторы, а вслед за ними и поэты имели, по-видимому, основания вводить в текст Корана эти реалии.

Итак, четыре строчки, начинающие “Подражания Корану”, несут в себе довольно значительный внетекстовый смысл, связанный не только с историей создания цикла, но и с целым рядом явлений: синкретизмом религиозных представлений авторов Корана и поэта, мотивом клятвы в исламе и христианстве, проблемой адекватности текста при его переводе, проблемой “вольностей” при интерпретациях и др. Кроме того, вторая и четвертая строчки воссоздают картину, которую, по-видимому, имел в сознании поэт, приступая к написанию цикла — Мухаммед в зрелые годы своей жизни, — Мухаммед — завоеватель и борец за веру на фоне соплеменников, творящих вечерний намаз.

Можно согласиться с мнением некоторых исследователей о том, что стихотворения цикла непосредственно соответствуют той или иной суре (главе) Корана, однако о полном соответствии, т.е. переводе речи быть не должно: Пушкин пользовался не оригиналом Корана, а его переводом; перевод же, в свою очередь, был вторичным с французского (8, с.99; 10, с.16). Более правильно следует говорить об интерпретациях некоторых строк Корана, толчком для которых послужили поэту отдельные, небольшие по размеру суры и мотивы, разбросанные, распыленные по многим главам. К числу первых отнесем суры 93 и 73 Корана, содержание и язык которых соответствуют стихам I и VII пушкинского цикла. Что же касается мотивов, то им соответству-

ют либо отдельные строчки глав Священной книги (стихотворения II и VI цикла), развитые по-своему поэтом, либо образы (Странник, Слепец и др.) и намеки на сюжеты, столь обрывочно присутствующие в Коране. Как отмечают многие авторы, сам текст Корана весьма противоречив (8, с.8-25), что можно объяснить его составлением в период раннего ислама, когда на Аравийском полуострове происходили процессы формирования монотеистической религии на фоне активности языческих верований иудаизма, иранского зороастризма и раннехристианских сект. Немудрено, что текст Корана впитал в себя элементы духовности многих народов и не может иногда быть истолкованным с позиций только одной религии. Точно также и Пушкин, будучи знаком с мировыми религиями, увлекшись исламом как одной из самых новейших религий, не мог выбросить из сознания образы и сюжеты других священных книг. Пример тому — IX стихотворение цикла, возвращающее читателя от Мухаммеда к древнееврейским и аравийским “пророкам”, “странникам”. Олицетворение “странника, пророка” с “поэтом”, отчетливо выраженное в стихотворении Пушкина “Пророк”, чуждо исламу (8, с.23): “Не сообщить ли мне вам, на кого нисходят сатаны? Нисходят они на всякого лжеца, грешника ... И поэты — за ними следуют заблудшие ... кроме тех, которые уверовали...” (10, с.311)⁵.

С целью определения степени интерпретации Пушкиным строк Корана вернемся к I и II стихотворениям цикла. Сравним тексты Пушкина и тексты соответствующих сур Корана (в переводах И.Ю. Крачковского и Г.С. Саблукова)⁶.

Таблица 3

А.С. Пушкин	Коран, сура 93	
Стихотворение I — начало второй строфы	перевод И. Крачковского	перевод Г. Саблукова
Нет, не покинул я тебя	Не покинул тебя твой господь и не возненавидел	Господь твой не оставил тебя и не презрел
Кого же в сень успокоенья Я ввел, главу его любя, И скрыл от зоркого гоненья? Не я ль в день жажды напоил Тебя пустынными водами?	Разве не нашел я тебя сиротой — и не приютил? И не нашел тебя заблудшим?	Не сиротой ли он нашел тебя и не приютил? Не блуждающим ли он нашел тебя?
Не я ль язык твой одарил Могучей властью над умами?	И направил на путь	И на прямой путь поставил
Мужайся ж, презирай обман, Стезю правды бодро следуй. Люби сирот и мой Коран Дрожайшей твари проповедуй. (14, с.219)	И вот сироту ты не притесняй, а просящего не отгоняй, а о милости твоего Господа возвещай. (10, с.502)	А поэтому сироты не притесняй, нищего от себя криком не отгоняй. Но благость Господа твоего им проявляй. (9,II, с.1151)

Мы видим, что в целом Пушкин передал содержание коранической главы. Наряду с точным воспроизведением текста ("Нет, не покинул я тебя") Пушкин перефразировал высказывания Аллаха, придав им художественную форму:

"приютил" — "ввел в сень успокоения",
 "направил на путь" — "язык твой одарил могучей властью над умами",
 "сироту не притесняй" — "люби сирот",
 "о милости твоего Господа возвещай" — "Мой Коран проповедуй".

В Коране обращаем внимание на образы "сироты", "заблудшего", "просящего", "нищего". У Пушкина они названы одним фразеологизмом — "дрожящие твари", в котором слово "тварь" использовано в своем перво-

начальном значении как "творение Бога", т.е. "человек".

В высказывании Пушкина "не я ль язык твой одарил могучей властью над умами?" прослеживаются коранический мотив передачи откровения Бога через Мухаммеда и библейский мотив, выраженный впоследствии в стихотворении "Пророк" ("И он к устам моим приник, // И вырвал грешный мой язык, // И жало мудрая змея // В уста замершие мои // Вложил десницею кровавой") (14, с.256).

Второе стихотворение цикла "Подражаний" посвящено женам и друзьям (родственникам) Пророка. По содержанию оно наиболее соответствует 32-34 аятам 33 суры Корана. Сравним:

Коран, сура 33	Коран, сура 33	А.С. Пушкин стихотворение II
О жены пророка!	Жены пророка!	О жены чистые пророка!
Вы не таковы, как какая-нибудь из женщин	Вы не то, что все другие жены	От всех вы жен отличены
Если вы богобоязненны, то не будьте мягки в словах, чтобы не возжелел тот, в сердце которого болезнь, и говорите слово ведомое	Если вы богобоязливы, то не будьте слишком ласковы в словах ваших, чтобы в том, у кого в сердце болезнь, не было желания вас	Страшна для вас и тень пророка
Пребывайте в домах своих и украшайте украшениями первого неведения	Постоянно будьте в своих домах. Не хвастайтесь перед другими своими нарядами, как хвастались в прежние времена неведения	Под сладкой сенью тишины Живите скромно, вам пристало Безбрачной девы покрывало
Выставляйте молитву, давайте очищение, повинуйтесь Аллаху и его Посланнику	Совершайте молитву, давайте очистительную с имущества милостыню. Повинуйтесь Богу и Посланнику его	Храните верные сердца
Аллах хочет удалить скверну от вас, семья его дома и очистить вас очищением (10, с.346)	Бог хочет удалить мерзость от вас, от семейства сего дома и очистить вас полною чистотою (9, II, с.787)	Да взор лукавый нечестивых Не узрит вашего лица! (14, с.220)

Таблица 4

Как и в первом случае, мы наблюдаем почти полное соответствие содержания коранических строк и строк пушкинских. Обращает на себя внимание многословный и назидательный тон коранического текста, образность и лаконичность пушкинской интерпретации ("Храните верные сердца", "Сладкая сень тишины", "Безбрачной девы покрывало", "Взор лукавый нечестивых").

Точно так же, как в тексте Корана разбросаны приказания Аллаха Муххамеду проповедовать ислам и его нравственные устои, в тексте "Подражаний" разбросаны строфы с повелительными глагольными формами: "Люби сирот и мой Коран дрожащей твари проповедуй" (ст.1), "Спокойно возвещай Коран, не понуждая нечестивых" (ст.3), "Творцу молитесь: он могучий..." (ст.5), "Восстань, боязливый: ...до утра молитву смиренно твори; Небесную книгу до утра читай" (ст.7). В последнем случае, по нашему мнению, отражено требование к мусульманину, пришедшее в ислам в конце VIII века, т.е. II века спустя после составления Корана, о дополнительной ночной молитве, или ат-тахаджудж, которая считается проявлением особого благочестия (6, с.204)?

Наиболее соответствует пушкинскому VII стихотворению сура 73 Корана, строки 1,2,3,4. И у Пушкина, и в Коране любопытны слова, обращенные к собеседнику: "Боязливый" (Пушкин), "Завернувшийся", или "Завернувшийся в одежду" (Коран). В исследовании о раннем исламе (8, с.18-19) читаем: "... пророки и пророчицы появлялись перед верующими с закрытыми лицами, а во время молитвы, впадая в транс, закутывались в плащ или в более плотную одежду". Этот прием восходит к шаманским культам и не раз использовался теми, кто выступал как пророк. Речь идет о закутывании, завертывании в одежду, что вызывалось, по-видимому, кризисным психическим состоянием, назреванием проповеднического экстаза. Коран о подобном состоянии говорит в сурах 73 и 74. "... Период пророческих выступлений в Аравии, как следует из Корана и позднейших арабских преданий — Сунны, являлся временем острой социальной борьбы" (8,с.19).

Пушкинский эпитет "боязливый", относящийся к Пророку, следует считать следствием неправильного прочтения и понимания французским переводчиком Корана слова, соответствующего причастию "завернувшийся". Сравним:

Таблица 5

А. С. Пушкин	Коран, сура 73
<p>Восстань, боязливый: В пещере твоей Святая лампада До утра горит. Сердечной молитвой, Пророк, удали Печальные мысли, Лукавые сны! До утра молитву Смирненно твори; Небесную книгу До утра читай⁸.</p> <p>(14, с. 222)</p>	<p>О завернувшийся! Простаивай ночь, если же немного, — половину ее, или убавь от этого немного, или прибавь к этому и читай Коран чтением...⁹</p> <p>Коран, сура 74</p> <p>О завернувшийся! Встань и увещевай! И Господа твоего возвеличивай, и одежды твои очисти! И скверны беги!</p> <p>(10, с. 477-478)</p>

Стихотворение VII "Подражаний" содержит слова, требующие особого разъяснения: "печальные мысли, лукавые сны", "В пещере твоей святая лампада до утра горит". Поскольку этот стих написан непосредственно после описания сна Мухаммеда о кровавом сражении, можно предположить развитие Пушкиным идеи раздумий Пророка перед сражением ("Пророк, удали печальные мысли, лукавые сны"). Введение в текст "пещеры" можно объяснить кораническим текстом (сура 18).

Ни в одной из сур, содержащих строки о ночных молениях, не упоминается "Лампада" или какой-либо другой светильник. Представляется, что в сознании молодого поэта Пушкина произошло смешение реалий, связанных с мусульманскими пророками, библейскими странниками и дохристианскими славянскими ведунками, кудесниками.

Стихотворение XIX цикла "Подражаний" является самым крупным по объему, самым загадочным ибо вряд ли в Коране можно найти полностью соответствующие ему строки. Возможно, перевод Веревкина содержал указание на притчу: "Размысли о деянии вышедшего из селения опустошенного и разоренного... Бог умертвил самого его, по прошествии ста лет воскресив, сказал ему: Давно ли ты на месте сем? Отвечал: единый день с половиною. Напротив, ты был здесь 100 лет ... воззри на твоего осла, уже токмо кости его белеются..." (12, с. 79). В древнем комментарии к Корану объяснено, что путник этот — Озаир (Узайр)¹⁰ (12, с. 95) — человек, которого иудеи объявили сыном Аллаха, совершив тем самым, согласно исламу, аналогичное христианскому преступлению против истинного единобожия (6, с. 239). Обычно Озаир (Узайр) считается идентичным библейскому пророку Эзре, которого иудейская священная история относит к одной из иудейских сект.

В послекоранических преданиях Узайр единодушно идентифицируется с Эзрой. Возможно, Пушкин предполагал библейским сюжетом о смерти и воскрешении пустынного. Для нас важна идея IX стихотворения, почерпнутая из Корана: Бог обладает способностью оживлять людей и природу. Эта тема преобладает

в наиболее известной суре "Йа син", в сурах "Пчелы", "Перенес ночью", "Та ха", "Верующие" и др. Приведем примеры мотива оживления по воле Аллаха и сопутствующего ему указания на физические свойства времени: "И поклялись они Аллахом, величайшей клятвой: "Не воскресит Аллах того, кто умер"... большая часть людей не ведает, ... чтобы разъяснить им то, в чем они разногласят, чтобы узнали те, которые неверны, что они были лжецами. Наше слово для чего-нибудь, когда Мы его пожелаем, — что Мы скажем ему: "Будь!" — и оно бывает" (10, с. 224); "И сказали они: "Разве, когда мы стали костями и обломками, разве же мы будем воскрешены как новое создание? "... И скажут они: "Кто же вернет нас?" Скажи: "Тот, который создал вас в первый раз" (10, с. 236); "В тот день, когда подуют в трубу, и Мы соберем грешников голубоглазыми, они будут перешептываться друг с другом: "Пробыли вы там только десять". Мы лучше знаем, что они говорят; вот самый верный из них по своему пути говорит: "Пробыли вы только один день" (10, с. 263); "Он сказал: "Сколько вы пробыли в земле по числу лет?" Они сказали: "Пробыли мы день или часть дня, но спроси считающих". Он сказал: "Пробыли вы только немного, если бы вы знали" (10, с. 288).

Приведем в подстрочнике И. Ю. Крачковского последние аяты суры "Йа син", которые обычно читают мусульмане у постели больного или над мертвым: "Он говорит: "Кто оживит части, которые истлели?" Скажи: "Оживит их тот, кто создал их в первый раз, и Он сведущ во всяком творении... Хвала же тому, в руке которого власть надо всем, и к Нему вы будете возвращены!" (10, с. 364).

На наш взгляд, интересно сопоставить IX стихотворение "Подражаний" (1824 г.) с программным пушкинским стихотворением "Пророк" (1826 г.). Пока нет возможности доказать связь IX стихотворения с Кораном, но есть все основания связать его с "Пророком" и Ветхим заветом. В обоих стихотворениях герой-странник бродит по пустыне, томится от зноя и жажды, засыпает, затем происходит чудо преображения и возрождения. В обоих стихотворениях — "неведомый глас", "бога глас"; только в "Пророке" до Бога появ-

ляется "шестикрылый серафим"¹¹. По стилю стихотворение 1824 года более эпическое и вялое по эмоциональности: "И чувствует путник и силу, и радость; // В крови заиграла воскресшая младость; // Святые восторги наполнили грудь; // И с богом он дале пускается в путь". "Пророк" 1826 года — яркое, образное эмоциональное произведение с четким призывом к действию: "Восстань, пророк, и виждь, и внемли, //

Исполнись волею моею, и, обходя моря и земли, // Глаголом жги сердца людей" (14, с.256). О "Пророке" написано много сочинений. Добавим к ним свое сопоставление текста с отрывком из библейского "Видения Исайи", которое позволит нам увидеть в "Пророке" влияние ветхозаветного сюжета и косвенным образом усмотреть в IX стихотворении "Подражаний" библейский рассказ об Исае, а не об Узайре:

Таблица 6

Библия, «Видение Исайи»	А.С. Пушкин, «Пророк»
« тогда прилетел ко мне один из серафимов, и в руке у него горящий уголь, который он взял клещами с жертвенника; И коснулся уст моих и сказал: вот, это коснулось уст твоих, и беззаконие твое удалено от тебя, и грех твой очищен... И услышал я голос Господа, говорящего: кого мне послать? И кто пойдет для Нас? И я сказал: Вот я, пошли меня... И сказал Он: пойди и скажи этому народу: слухом услышите, и не уразумеете, и очами смотреть будете, и не увидите...» (Гл. 6) (2, с.685)	«... и шестикрылый серафим на перепутье мне явился, ... и уголь, пылающий огнем, во грудь отверстую водвинул...» «... И он к устам моим приник и вырвал грешный мой язык...» «И Бога глас ко мне воззвал...» «... Восстань, пророк, и виждь, и внемли, исполнись волею моею и, обходя моря и земли, глаголом жги сердца людей...» (14, с.256)

Исайя упомянут в Библии несколько раз как пророк, сын Амосов, живший во время царя Езекия (2, с.418), а также как пророк, возвестивший появление Мессии: "Тогда сказал Исайя: слушайте же, дом Давидов!... итак, сам Господь дает вам знамение: се, Дева во чреве примет, и родит сына и нарекут имя ему: Еммануил..." (2, с.685). Он же, по Библии, предрек взятие в плен Иуды в Вавилоне (2, с.420). В книге свидетелей Иеговы Матфей цитирует пророчество, "реченное через пророка Исайю", которое исполнилось на Иисусе: "Се, Отрок Мой, которого я избрал, Возлюбленный мой, которому благоволит душа Моя; положу дух Мой на него, и возвестит народам суд..." (17, с.33-34). Оставим служителям церкви и теологам вопрос о превращении Эммануила в Иисуса. В данном случае для нас не имеет особого значения точное имя Мессии или пророка, предсказавшего его появление. Важно, что А.С. Пушкин сконцентрировал в своем знании мотивы ветхозаветных, христианских и коранических легенд, создав поэтический и гражданский шедевр, вдохнув новое значение в понятие "пророк".

Однако отношение Пушкина к Пророку мусульман несколько другое, нежели к "пророку-поэту", созданному некоторое время спустя после написания "Подражаний". Мухаммед Пушкина — историческое лицо, воин, полководец, муж, исполнитель воли Аллаха. Наибольшей историчностью отмечены II и VI стихотворения цикла "Подражаний", в которых к тому же прослеживаются личностные качества Пророка ("... не любит он велеречивых и слов нескромных и пустых"; "смутясь, нахмурился пророк..."; "но смолкла похвальба пророка от слова гнева твоего..." и др.) (14, с. 220-223). На наш взгляд, А.С. Пушкину удалось в "Подражаниях" выразить основную мысль и содержание Корана — один только Бог велик и могуч, всяк, кто "мнит состязаться с ним", — ничтожен: "С тобою древле, о всеисильный, // Могучий состязаться мнил, // Безумной гордостью обильный; // Но ты, господь, его смирил...", "Зажег ты солнце во

вселенной...", "Творцу молитесь; он могучий...", "Он милосерд: он Магомету // Открыл сияющий Коран, / Два притечем и мы ко свету, // И да падет с очей туман" (14, с. 222). Эти строки являются поэтической интерпретацией первой (открывающей) главы Корана "Ал-Фатиха", содержащей обращение к Богу ("могучий", "милосердный"), уверения в следовании "праведным путем, а не путем заблудших" (10, с. 27; 9, с. 2-3).

Судя по "Примечаниям" к своему циклу, Пушкин довольно высоко оценивал священную книгу мусульман ("... многие нравственные истины изложены в Коране сильным и поэтическим образом") и восхищался его языком ("Плохая физика; но зато какая смелая поэзия!") (14, с. 224). Последняя фраза объясняет многое в увлечении Пушкина мусульманским Востоком: его притягивала история и поэзия Востока. Пожалуй, одним из первых русский поэт увидел в Коране мировой памятник литературы и культуры.

За год до своей гибели Пушкин, судя по всему, определился в своих религиозных симпатиях. Об этом свидетельствуют строки стихотворения "Отцы пустынные и жены непорочны", отмеченного еще В.С. Соловьевым как самое показательное для пушкинской души наряду с "Пророком" (18, с.50):

"Отцы пустынные и жены непорочны,

.....
Сложили множество божественных молитв;
Но ни одна из них меня не умиляет,
Как та, которую священник повторяет
Во дни печальные Великого поста;
Всех чаще мне она приходит на уста
И падшего крепит неведомою силой.
Владыко дней моих!..."

(14, с. 388)

Итак, небольшой сопоставительный анализ ранних религиозных мотивов в творчестве великого русского поэта показывает, что Пушкин за свои 37 лет прошел сложный путь духовных исканий от без-

верия и легкомыслия юности ("Безверие", "Гавриилдада"), через обращение к религии иудеев ("отцы пустынноики"), мусульман ("жены непорочны", "Подражания Корану"), через осознание своей пророческой миссии ("Пророк"), к христианству ("но ни одна из них меня не умиляет, как та, которую священник повторяет..."). Уместно вспомнить еще раз слова в передаче В. Соловьева, написанные другом и учителем Пушкина В. Жуковским под впечатлением первых минут после смерти поэта: "Какая-то важная, удивительная мысль на нем (на лице поэта — Г.Ч.) разливалась, что-то похожее на видение, на какое-то полное, глубоко-удовлетворяющее знание. Всмотриваясь в него, мне хотелось у него спросить: "Что видишь, друг?" (18, с.48)

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Подробная библиография указанных работ дана в книге Н. Лобиковой "Пушкин и Восток" (12, с.3-5,88). Библиография работ о Пушкине и связи его с Востоком обширна. Эта сторона творчества поэта особо интересовала В. Белинского, поэтов и писателей П.В. Вяземского, Ф.М. Достоевского, В. Вересаева, В. Брюсова, Ю. Тынянова, текстологов и филологов С. Бонди и Б. Томашевского, философа и религиозного деятеля В.С. Соловьева, востоковедов И.Ю. Крачковского (арабист), И.А. Орбели (кавказовед), А.З. Розенфельд (иранист), известного лингвиста и стилиста В.В. Виноградова.
2. Подробную библиографию см. у Н. Лобиковой (12, с.88-89).
3. Современные ученые считают, что в "Пророке" отражен эпизод из жизни ветхозаветного пророка Исайи.
4. В 90-е годы XX столетия появились новые толкования и даже стихотворные переводы Корана, включающие фантастические предположения о существовании других, параллельных миров (15).
5. Следует помнить, что большая часть Корана написана стихотворным размером саж, а сам Мухаммед — не только пророк, но и поэт-воин.
6. Следует иметь в виду, что каждая сура начинается со слов: "Во имя Аллаха милостивого, милосердного". У Пушкина эту фразу заменяют первые строки цикла с клятвой.
7. Практика ночного бдения зафиксирована Кораном (суры 11, 17, 25, 51, 73, 74, 76, и др.), отражает борьбу различных направлений в исламе (мекканцы, мединцы, ханифиты, шииты и сунниты). Бдения с четным числом ракъатов (молений) и нечетным обязательны перед мусульманскими праздниками, особенно в дни рамадана (6, с.235).
8. Сура 26 "Поэты" (айяты 9-16) рассказывает о диалоге Господа с Мусой, в котором Муса (Моисей) говорит: "Господи, я ведь **боюсь**, что они сочтут меня лжецом..." на что Господь отвечает: "Идите же к Фиръауну (фараону Египта) и скажите ему: "Мы — посланники Господа миров..." (10, с.302).

9. Сложная арифметика стиха содержит указание на произвольное (по желанию молящегося), четное или нечетное количество молитв во время ночного бдения.

10. В Коране упомянут однажды под именем Узайр в 9 суре (10, с.164), имена Озаир и Узайр по-арабски пишутся одинаково, правильное — второе.

11. К библейскому серафиму, возможно, восходит имя коранического ангела Исафила. Согласно преданиям, он передавал Мухаммеду первые откровения, оберегал его и затем передал эту миссию Джibriлу (6, с.115). Согласно другому преданию, во время ночного путешествия Мухаммеда в Иерусалим на горе Мориа ангелы раскрыли ему грудь и омыли его сердце (6, с.115).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Анненков П.В. Пушкин в александровскую эпоху 1799-1826. — СПб., 1874 — С.303-304.
2. Библия. Книги священного писания Ветхого и Нового завета. Канонические. В русском переводе с параллельными местами. — М., 1991.
3. Брагинский И.С. Заметки о западно-восточном синтезе в лирике Пушкина // Народы Азии и Африки. — 1965. — № 4. — С.124.
4. Гоголь Н.В. Несколько слов о Пушкине. 1835 // Гоголь Н.В. Полн. собр. соч. — М., 1952. — Т.8.
5. Достоевский Ф.М. Речь на пушкинских торжествах в Москве 8 июня 1880 года // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: В 30 т. — Л., 1984. — Т.26.
6. Ислам. Энциклопедический словарь. — М., 1991.
7. Кашталева К.С. "Подражания Корану" Пушкина и их первоисточник. — М., 1930.
8. Климович Л.И. Книга о Коране, его происхождении и мифологии. — М., 1988.
9. Коран. Факсимиле и пер. с арабского Г.С. Саблукова (1907 год), Казань. — М., 1990.
10. Коран / Пер. Акад. И.Ю. Крачковского. — М., 1990.
11. Кулешов В.И. А.С. Пушкин и христианство. Русская литература XIX в. и христианство. — М., 1997.
12. Лобикова Н.М. Пушкин и Восток. — М., 1974.
13. Новый завет. Псалтирь. — М., 1991.
14. Пушкин А.С. Избр. соч.: В 2 т. — М., 1978. — Т.1.
15. Порохова В. Коран. Перевод смыслов. — Дамаск — Москва, 1995.
16. России сердце не забудет. Русские писатели — А.С. Пушкину. — М., 1986.
17. Самый великий человек, который когда-либо жил. — Нью-Йорк, 1991.
18. Соловьев В.С. Судьба Пушкина // Соловьев В.С. Собр. соч. — СПб., 1903. — Т.VIII.
19. Томашевский Б.В. Пушкин. — М. — Л., 1961 — Кн. II.
20. Франк С.Л. Религиозность Пушкина // Пушкин в русской философской критике: конец XIX в. — первая половина XX в. — М., 1990.
- Фридман Н.В. Образ поэта-пророка в лирике Пушкина // Уч. зап. МГУ. Вып. 118. — М., 1946. — Кн. II.

Министерство образования Российской Федерации
Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена
Ставропольский государственный университет

Пушкинский текст

**Научно-методический
семинар «Textus»**

**Сборник статей
Выпуск 5**

**Под редакцией профессора
В.А. Шаповалова**

Санкт-Петербург — Ставрополь
1999